

КОНЦЕПЦИЯ ЗАСТОЙНОГО ХАРАКТЕРА ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ К. МАРКСА И ЕЁ ВОЗМОЖНОЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Идеи застойного характера восточной культуры сложились в работах К.Маркса в ходе создания материалистического понимания истории. Выработка центрального понятия – понятия общественно-экономической формации – потребовало выделения сущности способа производства материальных благ, закономерностей его становления и развития. Начальным шагом на этом пути стал вопрос о том, какой способ производства и, соответственно, какая общественно-экономическая формация были первичными при переходе от первобытного общества к цивилизации. Конкретнее: из каких объективных предпосылок родилось рабовладельческое общество, почему процесс этого рождения занял очень разное время в различных регионах Земли (от столетий до тысячелетий) при одинаковом в принципе результате.

Эту проблему К.Маркс рассматривал в подготовительных работах к «Капиталу» («Формы, предшествующие капиталистическому производству», «К критике политической экономии») и в самом «Капитале». Тут родилось понятие «азиатский способ производства» и его общие характеристики.

В дальнейшем при анализе колониальной политики европейских держав в Индии, в Китае и на Ближнем Востоке К.Маркс уточнил и детализировал особенности становления и содержания первичной (архаической) формации в этих регионах на эмпирическом основании исследований историков и этнографов Л.Моргана, Дж.Фира и др. и статистического материала колониальной экономики в Индии, на Цейлоне и в Китае (Британское владычество в Индии; Будущие результаты британского владычества в Индии; Китайские дела; Наброски ответа на письмо В.И.Засулич; Конспект книги Дж. Фира ; Письмо Ф.Энгельсу от 14 июня 1853 г. и др.).

Эта архаическая формация (там, где она была) представляла совокупность изолированных земледельческих общин (микрокосмов), скрепленных государственной деспотической властью. Восточная земледельческая община базировалась на ирригационном способе

производства, при котором плодородная земля нуждается в систематическом орошении. Для этого необходима разветвленная сеть магистральных и локальных каналов, от которых отходят мелкие каналы и канавы. Необходимы также дамбы, плотины, искусственные водоемы и другие гидротехнические сооружения.

Создание, ремонт и поддержание в рабочем состоянии всей этой сложной системы требует кооперированной деятельности всех членов общины. Личные интересы и способности каждого человека должны строго подчиняться задачам общины.

Исправное функционирование всей ирригационной системы, то есть регулярный приток воды в строго установленных объемах на каждый орошаемый участок, обеспечивается не нарушаемым стандартным устройством всей системы. Какое-либо новшество, придуманное хитроумным изобретателем для улучшения полива на своем участке (например, водяное колесо вместо журавля), подрывает и разрушает всю слаженную сложившуюся многими годами и веками ирригационную систему. И, следовательно, обуславливает засуху на одних участках или заболачивание других участков, общий неурожай и неизбежный голод.

Ирригационное земледелие, хотя бы на уровне простого производства продовольствия, предполагает двоякую основу. Во-первых, отсутствие частной собственности на землю и, во-вторых, деспотическую (предельно централизованную и жестокую) власть государства. Отсутствие частной собственности земледельца на обрабатываемый участок означает отсутствие у него права на какие-либо изменения в технологии его использования. Он фактически арендатор без права вносить неотъемлемые улучшения.

Земля принадлежит общине, но это владение осуществляется в специфической форме, что породило и порождает длительные бесплодные дискуссии о характере собственнических отношений в восточной общине. То ли рабские, потому что крестьянин находится в грубой внеэкономической зависимости от главы общины или главы союза общин, т.е. от официального владельца всей суммы участков. То ли феодальные, потому что земледelec имеет надел, с которого кормится, но на правах только пользователя. А владелец, т.е. феодал, обладает правом полного владения, и на земледельца и на его участок. То ли капиталистические, потому что зависимость землепользо-

вателя от главы общины (владельца земли) осуществляется через налоги, арендную плату и штрафы.

В данном дискуссионном вопросе исследователи не обращают должного внимания на неоднократные замечания К.Маркса о том, что азиатской ирригационной общине присущ дуализм в её сущности, а именно: сосуществование личного и вещного факторов. «Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают ещё отношения, определяемые природой. В тех же формах общества, где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей» [8; стр. 44]. Характер природных условий в обществе ирригационного земледелия видоизменяет владение собственностью. Здесь ещё нет принуждающего давления экономических отношений, но его функцию выполняет понуждающая и принуждающая сила природы. Подчинение нормам, правилам и обязательствам в кооперационной деятельности общины диктует природа: нарушение установленного веками порядка деятельности всех и каждого карается зримо и жестоко засухой, потерей урожая, голодом и в конечном итоге массовой гибелью.

В то же время дуализм, присущий строю земледельческих общин восточного типа, «может служить для неё источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из неё вытекающих» [6;стр.418-419].

Однако специфика этих отношений такова, что строго стандартизованная жизнь общины не дает возможности личностного развития членов общины. К. Маркс сочувственно цитирует оценку последствий сложившихся общественных отношений для индивида из книги Дж.Фира: он (индивид) «никогда не мечтает о том, чтобы сбросить с себя сети, которыми века или суеверия опутали его. Он не посылает сына в школу из боязни лишиться его помощи во время полевых работ; он не пьет воду из хорошего водоема, потому что привык пользоваться водой, которая ближе к его дому; он не будет сажать картофель и сахарный тростник, потому что его предки этого никогда не делали» [5;стр.76].

Если вдруг предположить, что надо бы повысить производительность труда и валовой продукт общины, то это значит надо создать новые способы труда, новые инструменты трудовой деятельно-

сти, дать людям новые квалификационные навыки. Но это повлечет подрыв прежних традиционных условий жизни общины и разрушение основ её существования. «Чем дольше сохраняются традиции в самом способе производства, тем устойчивее старые формы собственности и сама община» [7; стр.484].

Сохранение традиционного способа производства обеспечивается централизованной государственной властью. Она выступает не только как неумолимая карающая сила, но и как сакральное могущество. Именно так воспринимается власть деспота как главы союза общин – как независимого владельца земли, как всемогущего судьи, как непререкаемого авторитета во всех вопросах жизни общины.

Закономерно, что такое законсервированное общество не имеет побудительных объективных причин к историческому прогрессу и воспроизводит себя из года в год, из века в век по одним и тем же социокультурным матрицам. Застойность культуры обеспечивает жизнеустойчивость и жизнеспособность такого социума [7; стр. 483] .

Таким образом, материалистическое понимание истории К.Маркса включает концепцию особенного характера развития древневосточного общества, основанного на ирригационном земледелии и существующего через деятельность самостоятельных изолированных общин. Главными субъектами исторического процесса в этом обществе являются сельские общины восточного типа. Они жизненно заинтересованы в самосохранении и потому не имеют причин для изменения и развития.

Неизменный способ производства, оптимально приспособленный к неизменяющимся природным условиям, многократно воспроизводит социальные и политические формы своего существования. Это представляет собой исторический застой в смысле длительного медленного повторения (*zu lange stehenbleiben*) без изменения сущности, но с периодической сменой видов формы власти, вариантов господства над земледельческими общинами. Застой в данном случае понимается не как неуклонная деградация или разложение, не как тянущееся гниение (*Flauheit*), а как постоянное воспроизводство по той же самой социально-культурной матрице.

Длительный застойный характер в ряде больших азиатских регионах является подтвержденным историческим фактом. Он не объясним случайными обстоятельствами или субъективными факторами, что выявилось в ходе и результатах колониальных захватниче-

ских войн европейских держав на территориях Индии, Китая, Ближнего Востока.

Современные исследования историков, этнографов, культурологов, экономистов и ученых других специальностей значительно расширили и углубили картину застойного характера культуры древневосточного общества [1; 8]. Специфические черты этой эпохи культуры выявлены не только в морально-философских аспектах, но и в конкретных областях духовной жизни Востока.

Роль природно-географической изоляции Китая в формировании духовной культуры Китая отмечает Мухаметзянов Р.Р.: Китай был естественно защищен на юго-западе Тибетским нагорьем, с запада и северо-запада – пустынями (Такла-Макан, Гоби, Алашань), с востока и юго-востока – морями (Желтым, Восточно-Китайским, Южно-Китайским), с севера – Великой китайской стеной. А природно-географическая изоляция ведет к социально-кооперированному мышлению, не склонному к новациям [8; стр. 50].

Исследования Крушинского А.А. по логике Древнего Китая позволили выявить коренную особенность мышления в Древнем Китае в отличие от европейского со времен античности. Он усматривает различие в принципе достижения вывода: через противоречие (Аристотель) или через согласие (Конфуций) [3].

В работах Добрицкой Е.М. рассматривается понимание цивилизованности и варварства в мировоззрении Древнего Китая на материале доконфуцианской и конфуцианской модели человека и его отношения с миром. В доконфуцианской модели разницу между китайцем (цивилизованным человеком) и варваром (диким человеком) видели во внешних признаках. У варвара «дикий» внешний облик, «стадный» жизненный уклад, примитивный ритуал или его отсутствие и т.д. У цивилизованного человека на первом месте уникальные проявления цивилизованной китайской природы – внутренний духовный потенциал, где на первом месте «почтительное поведение», правильная речь и мыслительные способности.

В конфуцианской модели развиты взгляды Конфуция на вектор влияния на весь внешний мир. «До сих пор китайцы в глубине своей души считают жителей других государств «варварами» и полагают необходимым приобщить их к «цивилизации», т.е. к китайской культуре» [2; стр. 18].

И в современном Китае оценка публичной деятельности дается не через противоречия и жесткие полярные оценки, а прежде всего через согласие, гармонизацию противоположных сторон. Как, например, в идеологии и политической практике Китая оценивается историческая значимость Мао Цзе Дуна: на 60 % хороший, на 40 % плохой.

Концепция К.Маркса о связи способа производства материальных благ с застойностью культуры в восточной общине и прогрессирующей культурой в античной и германской общинах может быть использована в качестве методологии при рассмотрении истории современных обществ.

Так, экономический застой в брежневскую эпоху утвердил и тиражировал застой в официальной культуре, но породил и протестную, подпольную и полуподпольную культуру. Сложившийся в современной России торговый способ производства (через продажу природных ресурсов) породил культуру потребительства и развлекательства, которая удовлетворяет большую часть населения и обеспечивает стагнацию страны.

Утвердившееся постиндустриальное общество и продвигающееся к нему запаздывающее индустриальное общество предопределило характер наступившей культуры. Как фиксирует Ф.Фукуяма: «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, - вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя»[9; стр.148].

Литература

- 1.Виткин М.А. Восток в философско-исторической концепции К.Маркса и Ф.Энгельса. М.: Наука, 1972.
- 2.Добрицкая Е.М. Понимание цивилизованности и варварства в мировоззрении Древнего Китая: доконфуцианская и конфуцианская модели человека и мира. Автореферат на соиск. уч.степени к.филос. н.. Томск.2009.
- 3.Крушинский А.В. Логика Древнего Китая. М.: ИДВ РАН, 2013.
- 4.Маркс К. Британское владычество в Индии //К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.9.
- 5.Маркс К. Конспект книги Дж.Фира «Аравийская деревня в Индии и на Цейлоне»//Народы Азии и Африки.1964.№ 1
- 6.Маркс К. наброски ответа на письмо В.И.Засулич // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. т.19

- 7.Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. т.46. Ч.1
- 8.Мухаметзянов Р.Р. Типология культуры древнего и средневекового Китая. Казань: изд-во КГУ, 2005.
- 9.Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии.1990 . № 3.